
Д. С. ПАНАРИНА

ГРАНИЦА И ФРОНТИР КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНА И/ИЛИ СТРАНЫ

В статье рассматриваются концепция границы, выросший из нее феномен фронта и степень возможного и реального влияния данных явлений на развитие территорий, будь то отдельный административный регион в рамках страны или сама страна в целом. Статья написана на основе теоретических материалов, посвященных концепции границы, а также с опорой на факты из истории Соединенных Штатов Америки и России, некоторых других стран мира, в том числе и азиатских, таких как Индия или Китай. Статья затрагивает и концепцию мифа, непосредственно выросшего на границе, закономерности его возникновения и развития и степень его влияния на формирование в стране особого восприятия, менталитета нации, вплоть до тенденций в ведении внешней политики.

Ключевые слова: граница, фронт, миф, Сибирский фронт, рубеж, зональная граница.

В современном мире, где все территории земного пространства давно открыты, нанесены на карту и практически освоены, тем не менее, как и во времена, когда люди еще верили, что земля плоская (и значительно позже, в эпоху Великих географических открытий), большое значение имеет территориальное деление всех открытых и освоенных земель, а значит, не теряет своей актуальности и феномен понятия границы.

Граница неизменно присутствует в жизни как человечества в целом (в глобальном смысле), так и в жизни отдельно взятых частных лиц. Граница бывает физическая и вполне реальная или же воображаемая, даже метафорическая. Концепция границы пронизывает все наше общество. Мы ежедневно очерчиваем или, наоборот, пересекаем границы общественных норм, наших собственных внутренних барьеров, проводим грани отношений и восприятия. И менее метафорически, но от этого не менее символически мы пе-

реходим границы, которые можем назвать реально существующими на физическом уровне, например путешествуя из одной страны в другую, пересекая границы районов и областей, переходя горные хребты или речные потоки во время летних походов. Граница есть универсальное явление, пронизывающее всю нашу жизнь на всех ее уровнях. Но граница – это не только условная линия, проведенная на карте или существующая в нашем сознании. Граница – это также условия жизни, постоянные изменения, взаимодействие и узнавание нового, того, что лежит *по ту сторону границы, за ее пределами*. На границах привычные явления видоизменяются: старое смешивается с новым, образуются новые сущности и культуры, новые традиции и обычаи, утверждаются знаковые архетипы, которые сохраняются веками и сказываются в новом контексте современности. Влияние границы может быть незаметным на первый взгляд, не ощущаться в каждодневной жизни, однако если рассматривать границы в исторической ретроспективе, то становится ясно, какое огромное влияние они оказывают на развитие регионов, наций, а порой и целых стран.

Общая концепция границы

Изучение границ было актуальным во все времена, понятие границы берет свое начало еще в древности. Оно существовало со времен Геродота (Дюно, Ариньон 1982: 64), но на протяжении очень долгого времени граница воспринималась исключительно как цепь военных укреплений или как предел распространения власти того или иного государства. В этом понимании она являлась политической единицей и представляла собой *линию*. Однако линейная, будь то территориальная или социальная, граница в реальности являлась значительно менее непроницаемой, нежели в теории, и помимо политического обладала и обладает еще и символическим значением. Ибо, как не раз было отмечено (Barth 1969), уже сам процесс демаркации приводит к закреплению по ту сторону реально существующей или воображаемой линии образа «другого», который отличен, непонятен и соответственно воспринимается как потенциальная угроза целостности общности по эту («нашу») сторону границы.

Концепция границы со временем разрасталась, что привело к определенной путанице в терминах, отражающих это понятие. Так, в английском языке границе соответствуют по меньшей мере 4 широко использующихся термина, имеющих несколько различную, а в чем-то, наоборот, схожую коннотацию. Можно говорить о:

1) границе как *border*, которая приравнивается к крайней точке или внешней линии, окружающей, отграничивающей страну, регион или определенное земельное пространство. Это традиционно географическое и в то же время политическое понимание границы как линии, отделяющей друг от друга, демаркирующей личные земельные владения или обозначающей пределы суверенной власти того или иного государства. При этом *border* также может быть выражена физически как реально существующая пограничная линия с военными постами и четкими демаркационными знаками;

2) границе как *boundary*, то есть знаковым ограничителе, представленном либо опять же демаркационной линией, либо *пограничной зоной*. Главным отличием *boundary* от *border* является тот факт, что *boundary* может принимать любые, не обязательно физические формы. Это граница в значении грани между двумя или более объектами, материальными или абстрактными;

3) границе как *borderland*, которая схожа по значению с последним термином, описывающим границу в европейской традиции, *фронтиром*. *Borderland* представляет собой пограничную зону, непосредственно то пространство, которое составляет границы двух территорий. Фронтир, в свою очередь, также зачастую является именно зоной, сталкивающей и объединяющей задействованные на данной территории разнообразные общности.

В отличие от *разделяющей* линейной границы фронтир понимается в первую очередь как *соединяющая* переходная зона взаимодействия двух или более культур и/или политических структур (Рибер 2004: 199). В то же время фронтир подобен границе в том отношении, что тоже имеет долгую историю: представление о нем зарождается еще в древних китайских хрониках (Lien-Sheng Yang 1968: 21). У великого китайского историка Сыма Цяня можно найти представление о том, что Китай окружен варварской периферией, которую он как цивилизованный мир должен «окультурить» или как минимум отодвинуть, поскольку на севере и северо-

западе она представляла в то время прямую угрозу Китаю. С нашей точки зрения, это и следует считать зарождением представления о фронтире как о подвижной границе между варварством и цивилизацией (Сыма Цянь 2002: гл. 110). Уже тогда фронтир обретает и некое символическое значение. Другое дело, что *теория* «фронтира-мифа» появляется значительно позднее, представляя собой относительно недавнее достижение исторической мысли.

Этимология и историческая концептуализация понятия «фронтир»

Для лучшего понимания термина «фронтир» целесообразно рассмотреть историческую эволюцию его значений. Этимологически термин «фронтир» восходит к средневековому латинскому *fronteria* и средневековому французскому *frontiere* (Mood 1948; цит. по: Chandler 1988). Латинское *fronteria* в свою очередь происходит от слов *frons*, *frontis* (лоб, бровь, передняя часть чего-либо).

В английском языке слово *frontier* впервые появляется в 1623 г. и определяется в словаре как «границы или отграничения страны (bounds or limits of the country)» (Cockeram 1623; цит. по: Chandler 1988). Таким образом, и в европейском, и в английском понимании фронтир представлял собой границу, противопоставляющую и разделяющую две социальные, политические или культурные протяженности (Chandler 1988).

Американское восприятие фронтаира первоначально совпадало с европейским, но в ходе опыта освоения Североамериканского континента понимание термина изменилось. Так, уже в 1806 г. Ной Вебстер (Noah Webster) определял фронтир как «пограничную линию, границу с другой страной, дальнейшими поселениями» (*Ibid.*). С акцентом на «дальнейшие поселения» впервые появляется значение фронтаира как границы с новоосваиваемыми территориями, в дальнейшем серьезно развитое и ставшее характерным для американской исторической науки.

Можно сказать, что начиная с XIV и вплоть до XVI в. понятие «фронтир» использовалось в основном для обозначения либо преграды нападению, либо линии боевого порядка во время сражения (Рибер 2004: 200; Тихонов 2010). После Великих географических открытий начинается проведение тех или иных физико-географи-

ческих и/или политических границ на карте мира, в связи с чем постепенно меняется само содержание понятия границы. По-видимому, именно в этот период понятие «граница» приобретает более широкое, территориально ориентированное значение, подразумевая не просто отграничительную линию, а область взаимодействия и взаимовлияния народов, ее населяющих. Показательно, что в европейской историографии «фронтир» со средневековых времен и до наших дней сохранил значение «границы между двумя государствами» (Etymology... 2008). И наконец, на протяжении XIX и XX вв. проводится относительно четкое разделение терминов «фронтир» и «граница» (Parker 2006: 77–100). Последняя теперь рассматривается исследователями и как место, четко фиксируемое географически, в пространстве, и как процесс, протяженный во времени, обретающий в нем собственную мифологию и символизм. Такое видение стало возможным в результате интеграции новых дисциплин, антропологии и культурологии, с географией и историей. Именно в этот период появляется и первая монументальная теория фронта как мифа и как феномена, формирующего характерные особенности той или иной нации, ее идентичность и политические институты. Автором ее стал американский ученый Фредерик Джексон Тёрнер; в 1893 г. он опубликовал статью «Значение фронта в американской истории», породившую «тернерианство» – целую ветвь приверженцев, равно как и противников Тёрнера.

Концепция Тёрнера, главным тезисом которой является утверждение о связи между феноменом фронта и американским национальным характером, до сих пор служит основным отправным пунктом для сравнительных исследований по истории разных государств. Естественно, особое развитие эта тема в последнее столетие получила в США, поскольку именно здесь она была впервые концептуализирована и здесь же многие ученые продолжают ею заниматься.

На данном этапе можно говорить о своего рода триединстве тернеровской концепции с двумя другими, ей не идентичными, но очень близкими по самому предмету концептуализации и потому как бы примыкающими к ней с разных сторон. Так, существует самостоятельная концепция *границы как пространства*, разрабо-

танная и развитая историками школы «Анналов» на основе французского исторического опыта. Один из основателей этой школы, Люсьен Февр, утверждал, что изучение границы возможно посредством исследования ее связи с природой государства, которой и определяются политическое и военное значения этого термина (Febvre 1973: 208–218). По другую сторону располагается еще одна часть триединства, представленная *символической (или ментальной) географией*, которая подразумевает изучение процесса построения ментальных границ на основе отношения к «чужому» (Рибер 2004: 201). Делается это каждый раз с конкретной целью, скажем, для того, чтобы проследить и объяснить зафиксированный еще в Античности феномен дуального деления мира. Ведь с самых ранних времен в сознании народов возникали разделительные линии, становившиеся границей противопоставления двух миров – «своего» и «чужого», формировавшие модели мировосприятия по типу модели «Запад – Восток». На научной основе большинство таких моделей было создано в Западной Европе и США – и там же они были впоследствии подвергнуты серьезной, подчас пристрастной критике¹.

Сама концепция Тёрнера как центральный элемент этого своеобразного «триптиха» обозначает фронтир «не местом, но состоянием общества» (Turner 1921), представляет его в качестве динамичной передвижной границы-линии, постоянно смещающейся все дальше вглубь осваиваемой территории, и в то же время – в качестве не чисто географического или политического, но и социального явления, *зоны* освоения. Правда, сразу же следует отметить, что применительно к конкретным случаям далеко не всегда можно явно разделить линейную и зональную характеристики границы в одном и том же месте. Как пишет А. Рибер, «линейность и зональность границы четко соотносятся друг с другом, а разделительные линии (границы в обычном понимании этого термина) могут исторически вытекать из характеристик территории, которая определяется как пограничная зона» (Рибер 2004: 203). Дру-

---

¹ Пожалуй, наиболее яркий образец такой критики – известная работа Эдварда Саида (см.: Said 1978). Есть русский перевод (Саид 2006), но плохого качества. О нем см.: Бобровников 2008.

гими словами, политические и административно-территориальные разделители не всегда совпадают с культурно-этническими и символическими элементами, присущими непосредственно *зо­нальности* границы. Для большей четкости можно разделить понятие границы как:

- линии, обозначающей пределы военного завоевания;
- линии, показывающей географические контуры определенной территории;
- линии, ограничивающей политические пределы суверенного государства;
- линии взаимодействия и символического (в том числе ментального) противопоставления антиподов, как, например, «варварство – цивилизация», «свой – чужой/другой»;
- зоны с постоянно меняющимися условиями существования и развития общества, охватывающей сразу несколько перечисленных выше пунктов.

Для более полного понимания различий между обозначенными типами границы – границей как линией и границей как зоной – приведем несколько исторических примеров.

До появления термина «фронтир» границы понимались преимущественно как «военные объекты или стены, означавшие пределы распространения государственного суверенитета» (Рибер 2004: 204), а также как линии, четко очерчивающие территорию частной собственности. Но уже Римская империя, с одной стороны, и Китайская – с другой наделяли границу символическим значением барьера, отделяющего мир цивилизации от мира варваров по другую сторону границы. При этом, несмотря на антагонизм римлян и ханьцев по отношению к образу «другого», на их страх перед «неразвитой культурой», в пограничной зоне наблюдалось постоянное взаимодействие людей и идей, происходило смешение культур, как минимум ощущалось их взаимовлияние. И не всегда оно было к выгоде «цивилизованной» нации. Так, все более утверждается точка зрения, что падение Западной Римской империи – следствие процесса обоюдного приспособления римлян и варварских племен друг к другу и, следовательно, взаимного разрушения целостности их общностей (Whittaker 1994).

В только что приведенном примере налицо совмещение на одной и той же территории границ двух типов: 1) государственной политической; 2) символической. Другой пример относится к XIX в.; с ним мы переносимся на территорию Западной Европы, во Францию. Французская государственная граница проходила по контурам естественной (природной) и национальной (культурной) границ, включая в себя и элементы, присущие зональным фронтам. В ходе и в результате Великой революции она обрела вид действительно четко фиксированной линии, отражающей идеологическую, языковую и экономическую однородность очерчиваемой ею территории. В этом французском (точнее, якобинском) инварианте границы уникальным для своего времени стало фактически заданное политическим сознанием жесткое наложение государственного суверенитета на определенную территорию, вписывание еще не до конца сложившейся нации в заранее очерченные пространственные рамки национального государства (Burguiere, Revel 1989; цит. по: Рибер 2004: 209).

И наконец, третий тип границы, выделенный как раз Ф. Дж. Тёрнером, – тип границы динамической, подвижной, то есть собственно фронт в современном его понимании. Можно дать несколько логически выведенных определений такой границы. С *политико-географической точки зрения* это будет постоянно смещающаяся, передвигающаяся вперед полоса (линия) поселений, жители которых осваивают и цивилизуют на первичном уровне дикие земли, другие новооткрываемые природные ресурсы. С *социально-антропологической точки зрения* – это зона смешения и взаимодействия двух или более народностей, одна из которых может быть представлена менее развитым (варварским) аборигенным населением. Наконец, с *социокультурной точки зрения* – это территория, на которой формируется новая общность (и соответственно, новое общество). Происходит это на основе адаптации друг к другу представителей всех наличествующих на фронтире наций и народностей (с последующей ассимиляцией части из них) – с их индивидуальными культурами и под влиянием всевозможных внешних факторов: природно-климатических, политических, экономических, религиозно-идеологических.

При выраженном историческом подходе к изучению феномена фронтира можно встретить схожие определения, выстроенные в хронологическом порядке и соотнесенные с конкретной эпохой и/или конкретными исследователями (Furniss 2005: 30).

Российское понимание границы: сходства и отличия

В российской исторической традиции со своей стороны сложились понятия рубежа и порубежья, где первое является скорее линией, а второе – зоной, по аналогии с западноевропейской историографией и различием *border* и *boundary/frontier*. Рубеж в самом широком ненаучном понимании представляется в качестве границы, отделяющей друг от друга два мира – мир старого, знакомого, понятного и привычного и мир нового, неизведанного, пугающего. Так, очень символичен рубеж между двумя частями страны, проходящий по Уралу. Здесь с момента освоения Сибири и придания ей статуса «российской тюрьмы», каторги, пролегла граница между волей, домом, родиной и неволей, чужбиной, одиночеством. Идущие по этапу осужденные прощались здесь с привычным укладом жизни, целовали «камень»² и брали частичку родной земли на чужбину, что очень символично описывает ритуал перехода границы, не физической и не официально обозначенной, но воображаемой, созданной коллективным сознанием народа.

Поэтому можно говорить о том, что рубеж разделял, разъединял, маркировал знаковое отличие одного пространства от другого.

В словаре В. И. Даля термин «рубеж» имеет несколько значений:

«**Рубеж** м. зарубка, насека, рубец, знак от тятка или нарезки; а как встарь все грани-межи означались затесями и метками на пнях и деревьях, то и || самая грань, развод, межа, граница, предел, общий стык двух земель, областей или владений, *рубеж*. **Рубежный**, граничный. **Рубежник**, **-ница**, житель рубежа. **Рубежник**, стар. кто самовольно прокладывает рубежи» (Даль 1882: 108).

---

² Камнем называли пограничный столб на Сибирском тракте, отделявший Европейскую часть России от Сибирской. Здесь ссыльным традиционно давали проститься с родиной, оплакать свою судьбу, попрощаться со всем, что было им дорого. Подробнее об этом феномене см.: Тепышева 2005.

Таким образом, уже у Даля рубеж четко определяется как нечто, разделяющее два объекта, отмежевывающее, как граница между земельными угодьями. Это полностью физическое, но не символическое значение данного понятия. При этом позднее, у С. И. Ожегова, это значение дополняется другим:

«**Рубеж**, -а, м. 1. То же, что граница (в 1 знач.) *Естественный р. За рубежом* (за границей). *Уехать за р.* (за границу). *Зорко охранять рубежи Родины. На рубеже двух эпох* (перен.). 2. Участок или полоса местности, удобные или оборудованные для ведения боевых действий. *Оборонительный р. На укрепленных рубежах. Выйти на новые рубежи*» (Ожегов, Шведова 1999: 685). При этом синонимичное рубежу понятие границы в первом значении определяется у Ожегова как «линия раздела между территориями» (Там же: 143).

Сравнивая два словаря, можно отметить, что во втором случае ярко выражено военное значение. Это также проявляется в других статьях словаря, описывающих однокоренные термины, такие как «пограничье» и «пограничный». Стоит также сказать, что понятие «порубежье» у Ожегова отсутствует, в отличие от Даля, который определяет его следующим образом:

«**Порубежный**, пограничный, погранный, сопредельный, смежный, помежный, обмежный, смежный; лежащий по рубежу. *Порубежная речка. Порубежные города и жители. Порубежник, -ница*, порубежный житель, межа об между. *Мы с ним порубежники*, плотные соседи. **Порубежье** ср. порубежные места, полоса, пограничье, помежье. **Порубежничать**, грабить, наездничать по рубежу» (Даль 1882: 333).

Военного значения у Даля не находим, акцент сделан непосредственно на размежевании, отделении, но не путем завоевания, отвоевания и охраны уже существующих границ и рубежей военными силами. Можно предположить, что коннотация словаря Даля лучше отвечает восприятию народа и выражает понимание простым людом того, что такое граница и рубеж.

Однако если сравнивать значение русских терминов «рубеж» и «порубежье» с американским фронтиром, то ни одно из предложенных понятий не имеет того же контекстуального наполнения – ни рубеж, ни порубежье изначально не определяются как зоны

столкновения и взаимодействия народов и культур. И тем более рубеж не описывается как территория формирования новых общностей, наций или государств, как это присуще американскому фронтису, но понятия «рубеж» недостаточно для его описания (Hall 2009: 25–26). Это не означает, что в российской действительности невозможно возникновение фронта в американском понимании с его специфическим влиянием. Можно привести несколько ярких примеров фронта в России, одни из самых очевидных – на Кавказе (Барретт 2000) и в Сибири (Агеев 2005).

Классификация границ. Взаимодополняемость, пересечение и непересечение разных типов границ

Здесь же нас интересует более детальная классификация границ в рамках уже рассмотренных понятий и синонимов. Попробуем взглянуть на существующие варианты границы. Очевидно, можно говорить о:

- географической границе (естественной или искусственной);
- государственной границе;
- административной границе;
- национальной границе;
- этнической границе;
- воображаемой или ментальной границе;
- символической границе;
- культурной границе.

Энциклопедия по географии так определяет географические границы: «Границы географические – линии или переходные полосы, разделяющие смежные географические объекты, различающиеся хотя бы одним существенным признаком. Конкретное содержание различающего признака определяет наименование границы – оледенения, речных бассейнов, ландшафтов, политико-адм. единиц, экономических р-нов, зон тяготения и т. п. По форме географические границы могут быть резкими (например, государственные границы после их демаркации) или нерезкими – в виде переходных полос (при выделении ландшафтных или экономических таксонов). По степени наблюдаемости они бывают четко обозначенные на местности и зрительно наблюдаемые либо расчетные,

в том числе статистические, интерполируемые по данным наблюдений в операционных территориальных единицах, которые используются при различных видах районирования территории. По степени влияния на разделяемые объекты географические границы могут выполнять контактные или барьерные функции. Контактность географической границы может усиливаться со временем, например, в ходе интеграционных процессов в национальном и международном экономическом пространстве. Барьерные функции связаны с естественными преградами, прежде всего с рельефом, что требует повышения удельных затрат на преодоление географических границ, а также с политическими и экономическими факторами (визы, пошлины и т. п.). Кроме того, географические границы используются как поверхности раздела между основными сферами географической оболочки Земли – литосферой, гидросферой и атмосферой» (Горкин 2006: 154). Таким образом, географическая или физическая граница может разделять или, наоборот, объединять любые географические (при этом не обязательно административные, политические или экономические) объекты, в чем-то отличные один от другого. В зону, описанную географической границей, может попасть экономическая область, пределы национального ареала расселения одной народности, административный объект (район, провинция, префектура...) или даже политически единый объект в виде государства. Однако географические границы не обязательно и не всегда совпадают со всеми или некоторыми из перечисленных здесь типов границ. Границы могут видоизменяться, «перерисовываться» на карте мира, становиться более плотными, непроницаемыми, закрытыми, или же наоборот, более прозрачными, открытыми.

Государственная граница также может обладать перечисленными свойствами открытости или закрытости, равно как ее пересечение может осложняться физической природной преградой в виде горных хребтов, пустынь, рек и т. д., если речь идет о естественной, а не искусственно созданной границе. Государственная граница представляет собой линию (и проходящую по этой линии вертикальную поверхность), определяющую пределы территории государства (суши, вод, недр и воздушного пространства) и соответственно пределы действия государственного суверенитета

(Граница... 2002). Понятие государственной границы появилось в ходе исторического развития с возникновением института государства как такового. В границы государства попадали владения государя, обложенные налогом/данью, и защищаемые, и постепенно расширяемые за счет новых военных завоеваний. Поэтому феодальная государственная граница, в отличие от современной, не являлась четкой и определенной, не будучи установленной и подтвержденной в рамках международного права (Там же).

Но и государственная граница может «выглядеть» по-разному и обладать отличными качествами, тем не менее соответствуя общему определению, приведенному выше. Государственная граница одной и той же страны в различных ее частях будет с вероятностью обладать не одинаковыми, но иногда и противоположными характеристиками. В качестве примера сравним западную (европейскую) и восточную (азиатскую) границы России. Если кратко, то отличие восточной границы России от западной хорошо может быть выражено в словах В. О. Ключевского: «Русские границы на востоке не отличались резкой определенностью или замкнутостью: во многих местах они были открыты; притом за этими границами не лежали плотные политические общества, которые бы своей плотностью сдержали дальнейшее распространение русской территории» (Ключевский 2014: 557). Что касается запада, то здесь картина была совершенно иная, поскольку выход России на Запад постоянно сталкивался с сильным, плотным сопротивлением европейских соседей. И хотя «история России, это история страны, которая колонизируется» (Там же: 38), колонизация земель к западу от центральной, столичной части России не представлялась возможной, поскольку запад уже был в более чем достаточной степени освоен европейцами; с другой же стороны от Москвы, за Камнем, лежали обширные, бескрайние, необжитые земли, занятые исключительно кочевниками и аборигенными народами, не представлявшими серьезного барьера для продвижения русского народа на восток. И если европейская граница представляла собой четкую, структурированную и непроницаемую линию, охраняемую интересами власти многих государств за этой линией, то на востоке граница была и до сих пор остается зональной, расплывчатой и проницаемой, несмотря на свою буферность, связанную с постоянной «желтой угрозой»

со стороны Китая, которую с XVIII в. привыкли видеть в данной границе как политические деятели страны, так, позднее, и образованные обыватели. На самом ли деле азиатская граница настолько ненадежна и опасна, судить объективно сложно, особенно будучи уроженцем и постоянно пребывая в центральной части России и соответственно будучи ближе к границе европейской. Однако эффект «обазиятчивания» русских территорий на востоке, как нам представляется, нельзя оставлять без внимания. Такое «разрыхление» границы в первую очередь связано со своеобразным *раздвоением* российской границы в Центрально-Азиатском регионе. Наряду с укрепленной государственной границей, оставшейся на рубежах бывшего СССР (переставшей формально быть границей России, но тем не менее охраняемой пограничниками), появились весьма условные и проницаемые границы России со странами СНГ. Граница в военно-техническом смысле выступает здесь не как ограничитель пространства власти, а как своеобразный анклав власти, поскольку севернее этих пограничных рубежей находится не российская территория, а иначе организованное и конкурирующее с российским властное пространство, контролируемое возникшими после распада СССР авторитарными режимами (Таджикистан, Казахстан, Киргизия и т. д.).

Близка сегодня к азиатскому типу границы (и в то же время весьма специфична) и протяженная граница России с Китаем. Здесь приграничные районы стали, по сути, сферой жесткого экономического и демографического давления на Россию, более того – зоной скрытой колонизации, несомненно поощряемой и дирижируемой властью нашего великого южного соседа. И это, конечно, нечто иное, чем российско-казахстанская граница.

Только новая «азиатская граница» формируется не направлениями набегов кочевников, как прежняя, традиционная, а в первую очередь направлениями легальной, полуполигальной и нелегальной миграции и векторами транзита наркотиков (Королев 2002).

Мы не вполне согласны с автором статьи в процитированном отрывке, поскольку, как и раньше, на наш взгляд, опасность колонизации Дальнего Востока и Сибири Китаем сильно преувеличена. Тем не менее мы не отрицаем, а на личном опыте путешествий в данный регион можем подтвердить, что в силу близости к азиат-

ским странам Дальневосточный регион сильно отличается от центральноевропейских территорий нашей родины. Безусловно, наличие в составе населения региона мигрантов из Китая, Японии, Кореи и, в гораздо большем количестве, из Монголии, накладывает свой отпечаток в неменьшей степени, нежели своеобразный природный ландшафт (вулканический, если говорить, например, о Камчатке) и климат региона.

Вне всякого сомнения, можно многое сказать о государственной границе, о ее внешних и «виртуальных» обозначениях, правилах ее проведения по различным ландшафтам, будь то суша, водное, подземное или воздушное пространство, однако об этом написано немало, и мы не ставили перед собой задачу повторяться в уже сказанном. Также не будем рассматривать административную границу, скажем только, что она представляет собой подобие государственной, всегда четко определена лидерами данной страны и выполняет структурирующие, разграничивающие, разделяющие функции. При этом административная граница далеко не всегда и даже чаще всего не совпадает с этническими границами, что зачастую приводит к абсурдным ситуациям, когда представители одного этноса оказываются по разные стороны границы, отделяющей друг от друга два административных округа, области, а иногда и государства.

В свою очередь этнические границы к данному моменту также неоднократно изучались, поэтому нам представляется нецелесообразным подробно рассматривать их в рамках данной статьи. Значительно больший интерес для нас представляют символическая или воображаемая граница, а также граница культурная, равно как и понятие фронтира и его значение для развития территории, очерченной приграничьем.

Значимость границы и фронтира для формирования стереотипов, образов и мифов в сознании нации

Границы являются принципиальным фактором в формировании сообществ; организация и оформление границы, правила ее пересечения, представления о ней отражают внутренние характеристики обществ, которые эта граница «обрамляет». Китайская стена или «железный занавес» как материализованные и метафорические

преграды есть порождение своих эпох и своих культур (Бредникова 2002). Это фактически значит, что восприятие границы, отношение к ней и видение мира *по ту сторону* полностью формируются внутри страны искусственно, равно как и под воздействием внешнего фактора в лице *той стороны*, ее агрессии или мирных намерений, ее взаимодействия с *нашей стороной*. Человек издревле боялся неизведанного, непонятного, непривычного, другого, и это отношение распространялось не только на животный и природный мир, но и на мир подобных же *Homo sapiens*. Незнание мира с другой стороны границы порождает предрассудки, стереотипы, абсурдные суждения, не имеющие ничего общего с реальностью или хотя бы логикой, как, например, бытующее среди американцев поверье, что в Москве по Красной площади бродят белые медведи. Такие представления накапливаются и формируют ментальную, воображаемую границу между народами, границу, которая существует только в сознании подавляющего большинства представителей нации.

Стереотипы и устойчивая вера в определенные образы *других*, тех, кто *за границей*, могут успешно формироваться изнутри силами агитации, идеологии, средствами массовой информации и политического манипулирования. Поэтому в зависимости от образа заграничного мира, порожденного внутри общества, граница будет выглядеть как Зло или Добро, желанный и достижимый или опасный плод, будет разделять или, наоборот, больше объединять. Так, «государственная граница в СССР играла чрезвычайно важную роль в конструировании советского общества. Она не только определяла «свою» территорию, отгораживая «чужих» и обозначая конфронтацию политических систем на глобальном уровне, но и выполняла «универсальную функцию, обладала всей полнотой смыслов – от политических до метафизических». Она стала некой мерой, ориентирующей всю организацию жизни. Можно говорить о тотальности метафоры границы в Советском Союзе. В подтверждение можно вспомнить слова популярной в 30-е годы песни: «*Эй, вратарь, готовься к бою! / Часовым ты поставлен у ворот. / Ты представь, что за тобою / Полоса приграничная идет*» (Там же).

Граница, подобная советской по отношению к Западу с его «буржуазными пороками», отгораживала Советский Союз не только и не столько от ближайших соседей, с которыми существовала непосредственно физическая географическая граница, но от всего капиталистического мира. Таким образом советская Россия оказывалась как бы отрезанной, островом на карте мира, самодостаточным и не признающим отношений с другими странами, иных, кроме соперничества и военного конфликта.

Таким образом, значение границы для создания образов других государств и выстраивания политики (в высших эшелонах власти) и простого человеческого взаимодействия (между гражданами стран) нельзя недооценивать. Остается открытым другой вопрос – чем значение и влияние фронтира отличается от значения и влияния границы на нацию и национальное самосознание и развитие? И за отправную гипотезу возьмем утверждение о том, что фронтир может и зачастую формирует вокруг себя очень устойчивый миф. Самым ярким примером такого «мифа о фронтире и мифа на фронтире» до сих пор служит история зарождения американской идеи и «американской мечты», идеологии и мировосприятия, сохранившихся и в наши дни. Для наглядности опишем именно этот случай фронтира.

Для рассмотрения феномена мифа о фронтире требуется сначала ввести понятие мифа в более широком смысле, а также в его культурологическом значении. Это приводит нас к проблеме дефиниции. Сразу же заметим, что понятие «миф» по сути своей является не менее многозначным и расплывчатым, нежели понятие «культура».

Мифу и мифологии посвящены многочисленные работы, а попытки дать хоть сколько-нибудь четкое и всеобъемлющее определение мифа начались еще в Античности и продолжают до сих пор. Однако в силу объемности и широты понятия маловероятно, что исчерпывающее и общеприемлемое определение мифа может быть сформулировано. Здесь мы не будем пытаться вывести собственное определение мифа, а приведем несколько уже существующих и, как представляется, наиболее подходящих для наших целей.

Этимологически слово «миф» восходит к греческому «μῦθος», которое означало буквально «слово», «речь», и только позднее приобрело значение «сказка, легенда» (Doyle 1997). Отсюда выте-

кает и самое общее значение мифа как предания, сказания о богах, духах, обожествленных или связанных с богами героях, первопредках; сказания, объясняющего все первоначальные явления, процесс создания мира и его элементов – как природных, так и культурных (Общее... 1992). При этом мифы, являясь «традиционными сказаниями, в тех обществах, где они пересказываются, воспринимаются как правдивое описание событий, произошедших в далеком прошлом» (Brunvand n.d.). Это *мифологическое* значение мифа противостоит его *мифическому* значению, описание которого найдется в любом современном словаре: миф – вымысел (Ващенко 2008: 6; Словарь...1984: 317), миф – недостоверный рассказ, выдумка (Ожегов 1999: 359).

В большинстве случаев мифы видятся как «примитивные, нелитературные сказки, передающиеся из уст в уста в культурах, не дошедших в своем развитии до письменной литературы, и рассказываемые анонимными (народными) сказителями. Мифы – это неавторские сказки» (Kirk 1984: 56). Важен также тот факт, что миф как сказание, чтобы действительно считаться мифом, должен пройти длинный путь и передаваться в обществе на протяжении многих поколений. При этом миф может подвергаться со временем определенным изменениям в деталях его изложения, но суть его всегда остается неизменной, постоянной, таковой, какой она была «с начала времен» (*Ibid.*: 57–58).

Существует великое множество подходов к изучению мифа и столько же его интерпретаций. Современные объяснения того, что представляет собой миф, сводятся к 12 различным теориям, из которых нас больше всего интересует определение мифа как зеркала социальной структуры, но в первую очередь – культуры. Миф фактически отражает определенные пласты культуры, хотя и не буквально (Honko 1984: 47).

Важно упомянуть, что миф пронизывает все сферы нашего существования, нашей жизни. Он входит в структуру подсознания, соединяет прошлое, настоящее и будущее, диктует основы нравственности и морали (Ващенко 2008: 3–9). Миф таким образом, можно сказать, является основой всех устоев мира и человеческой жизни. Поэтому в корне неверно относить миф исключительно к прошлому, считать,

что он не участвует в нашей жизни сегодня, не играет никакой роли и является лишь «преданьем старины глубокой».

Формирование мифа о фронтире на примере американского Запада

В рамках нашей статьи как раз на примере мифа о фронтире мы имеем возможность наглядно показать, какое значимое место занимает миф в наше время.

Миф об американском фронтире жив до сих пор, несмотря на закрытие самого фронтира столетие назад. Как термин «фронтир», так и многочисленные изображения и вербальные формулы, отображающие понятия, с ним связанные, активно используются американцами во всех сферах жизни, в частности в политике для описания целевых установок и идеологической направленности американского общества в его внутренних законах и во взаимоотношениях США с внешним миром. Вкратце миф о фронтире в Соединенных Штатах можно описать как явление, которое сформировало и поныне определяет «политическую риторику прогресса пионеров, миссии США в мире и вечную борьбу с силами тьмы и варварства» (Slotkin 1985: 12). Миф о фронтире проступает во всем его многообразии в самых обыденных предметах и объектах: в небоскребах, казино, магистралях, скоростных автодорогах; в рекламных плакатах и глянцевого журналов; в фильмах и СМИ; в интернет-блогах и порталах; в самом языке (*Ibid.*).

Чтобы обозначить ядро темы о мифе, сконцентрируемся на его содержании и на роли мифа о фронтире в американской истории, значимости его для американской нации. Миф о фронтире создавался в колониальном обществе в эпоху «творения» нового государства и новой нации, поэтому в первую очередь это миф о первоначале, с тем лишь исключением, что «творцами мира» в этом мифе выступают не боги, духи или другие сверхъестественные существа, а люди – пуритане, пионеры, трапперы, позднее ковбои, золотодобытчики и предприниматели. Они-то и становятся героями фронтира, теми, чьи образы с течением времени вновь и вновь актуализируются и ритуализируются в биографической литературе, в так называемых бульварных романах, в вестернах, даже в быту. Следует сказать, что сами пионеры, первооткрыватели фронтира всех категорий на протяжении всего его

освоения, не ставили перед собой цели создать миф и вряд ли осознавали этот процесс.

Миф о фронтире зиждется на идее, которую привезли с собой отцы-пилигримы, идее о том, что они и все последующие поколения американцев – избранная Богом нация, призванная создать «рай на земле», которую Господь даровал им как землю обетованную, то есть на Американском континенте. Идея об американской исключительности со временем нашла воплощение в Manifest Destiny – доктрине о явном предначертании США нести плоды цивилизации, зерно Добра, истинной веры и демократии не только варварам-индейцам, но и всему миру в целом.

Создание «рая на земле» подразумевало «завоевание и освоение», а наличие на протяжении нескольких веков обширного, казавшегося неограниченным пространства, с точки зрения американцев, незанятого, только усугубляло стремление к освоению, движению фронта вглубь континента.

Пуританская идея о том, что богатство, нажитое честным и упорным трудом, – от Бога и не является грехом; целеустремленность и мобильность первых поселенцев, передавшаяся и последующим поколениям; изобилие «даровых» земельных, минеральных, биологических ресурсов для освоения – все это вместе взятое в условиях капиталистической конкуренции способствовало утверждению в качестве социальной нормы принципа «выживает сильнейший». В соединении с искренней верой в свою миссию привнесения «цивилизации» в мир дикости и с тем парадоксальным фактом, что по многим объективным условиям своего существования поселенцы на фронтире поначалу сами в большей или меньшей степени опускались на уровень «варварских племен», этот принцип социального дарвинизма освобождал от каких-либо ограничений в войне против индейцев, в покорении новых территорий, в тех методах, которыми пользовались американцы в течение всей эпохи освоения США (Slotkin 1985: 12). На этой почве в обществе, основанном людьми, впитавшими на бывшей родине идеи правового устройства, но подвергшимися в Новом Свете «опрощению» в нецивилизованной среде, и родился самый главный и наиболее известный социальный образ фронта – американского героя, *a self-made man*, человека независимого, индивидуалиста, а главное, воина (Tirman 2009).

Как и любой другой, миф о фронтире многократно воспроизводился, в чем-то при этом изменяясь. Так или иначе, в своем развитии он прошел все стадии: от исторического опыта, сохраненного в устных рассказах и через постоянную актуализацию доведенного до уровня традиции, до создания упрощенных, но четко очерченных образов, в которых фактическая историческая основа приобретает форму клише. В случае с мифом о фронтире такими клише-образами стали «высадка пилигримов на берега Америки», «последний рубеж»³, «Аламо»⁴, «Перл-Харбор». В конечном счете миф стал частью языка, приобрел вид метафор, в которых выражаются основные элементы американского мировоззрения, традиции и «воспитующие» исторические факты. Ярким примером всплывания в сознании таких метафор может быть военная кампания США во Вьетнаме, воспринимавшаяся рядовыми американскими солдатами и американской общественностью как «поход против индейцев (варваров)», как новый тур игры в «ковбоев и индейцев» (Slotkin 1985: 16). И подобно тому, как в дни освоения американцы бились с индейцами за воцарение цивилизации и за свою американскую нацию, они вели себя во Вьетнаме; в этой ассоциации с историческим прошлым, в этой аналогии нет логики, нет намеренного проведения параллелей, есть только сильное влияние самой идеи, прочно вошедшей в сознание американцев.

Так, через миф, который превращает одноразовый исторический акт в обобщенное явление, вписываемое в законы морали, законы самой реальности, в правила восприятия и поведения в конкретных ситуациях, – через все это и рождается основа идеологии,

---

³ Термин «последний рубеж» (The Last Stand или Custer's Last Stand) применительно к истории США описывает битву у реки Литтл-Бигхорн в ходе так называемой Великой войны сию 1876 г., в которой столкнулись силы американского батальона под предводительством Джорджа Армстронга Кастера, насчитывавшего 700 человек, и силы объединенных племен индейцев. Американцам в этом сражении было нанесено поражение, но доблесть Кастера и его людей, погибших при Литтл-Бигхорне, прославила как их, так и само событие, сделав его одним из знаковых в истории США.

⁴ «Аламо» является еще одним знаковым военным событием из истории США, произошедшим в ходе Мексиканской войны в 1836 г. Осада Аламо закончилась для американцев поражением, однако так же, как и в случае с последним рубежом Кастера, увековечила имя еще одного американского героя – Дэви Крокетта, который, проявив отвагу и выдержку в ходе осады, доблестно погиб в последний ее день.

впоследствии формирующей общественное и политическое сознание нации.

В свое время Талькотт Парсонс определял идеологию как оценочную интеграцию коллектива. В современной антропологии и социальной истории термин «идеология» используется в том же ключе, но более широко – ценностей и отношений, интегрирующих культуру и/или общество в некую целостность (Slotkin 1985: 22). Форма выражения, язык, которым пользуется «классическая идеология», предполагает строгую последовательность и логичность. «Идеология», порожденная мифом, не обладает этими качествами, а наоборот, характеризуется символичностью и метафоричностью, присущими мифу. Она воспроизводит и другое изначальное качество мифа – повторяемость прошлого в настоящем, стирание временных границ (в отличие от истории), неразличение прошлого и настоящего, приравнивание их друг к другу.

Образы «фронтيرا», «ковбоев», «индейцев», равно как и слова, их обозначающие, превращаются из исторических фактов в метафоры, говорящие не столько об исторических событиях, сколько об их значимости в настоящем. Современные американцы «проживают» события прошлого не в буквальном, а в переносном смысле, посредством языка фронтيرا, с помощью устоявшихся литературных и историографических традиций, и сам миф о фронтире приобретает для них гораздо большее значение, нежели имел непосредственно фронтир для его современников в эпоху освоения.

В этом и заключается главное противоречие между идеологией мифа и изложением истории. Стирая границы между прошлым и настоящим, миф искажает реальные исторические события; они приобретают налет романтизма, субъективности взглядов, что изначально не присуще сухим историческим фактам, выстраивающимся в по видимости бесстрастный и беспристрастный нарратив – рационально организованный рассказ о прошлом. Можно, пожалуй, сказать, что через миф историческое прошлое *идеализируется*, четко окрашивается в темные или светлые тона, в нем не остается места множественности точек зрения касательно одних и тех же событий. Постоянный перенос этого идеализированного прошлого в рамки настоящего (каким бы «другим» оно ни было) и составляет

силу идеологии, созданной на фронтире, – силу, позволяющую образам фронта прочно держаться в американском обществе, в сознании американцев вплоть до наших дней.

«Фронтир» – это не просто эпоха в истории США. Это мечта о лучшей жизни, это идеал, к которому необходимо стремиться независимо от наличия или отсутствия «географического» фронта. Сегодня, в эпоху глобализации, фронтир обнаруживается, с одной стороны, в стремлении осваивать все клочки неосвоенной (или, по мнению американцев, «нецивилизованной», принадлежащей варварским правительствам и народам) территории на планете Земля, с другой – в целенаправленном стремлении решать внутренние проблемы своего общества: изживать необразованность своих граждан, расовую дискриминацию, избегать по возможности неравенства и классового расслоения общества, то есть вновь и вновь пытаться достичь идеала (Frost 2011). И в этом смысле миф о фронтире неожиданным образом сближается с двойным толкованием джихада в исламе, в котором война с «неверными» и их обращение в истинную веру понимаются как «малый джихад», тогда как внутреннее совершенствование в соответствии с моральными нормами, заповеданными Аллахом человеку, – как более трудный и важный «большой джихад» (Ислам 1988).

Фронтир – это и единый миф, и множество разнообразных отдельных мифов, рождавшихся в процессе освоения американского Запада и в ходе развития США: миф об американской исключительности, миф о неограниченных свободных землях, миф о природном богатстве западных территорий, миф об американском индивидуализме, миф об американской демократии и миф о прогрессе. Но это также мифы о людях или, скорее, *типизированные мифологизированные образы*⁵ пионера, траппера, виджиланта, ковбоя, существующие и по отдельности, и слитно – в цельном образе аме-

---

⁵ Типизация образов свойственна, видимо, любой идеологии. В доказательство можно сослаться на две работы: в первой из них (Пюимеж 1999) исследован процесс типизации образа вымышленного героя в ходе разработки идеологии национализма во Франции XIX в., во второй (Липатова, Голотин 2011: 92–94) показано использование типизации образов реальных политических деятелей и целых социальных групп во время утверждения идеологии большевизма в СССР.

риканского героя как такового, кем бы он ни был по происхождению и роду деятельности. Американские аборигены и их взаимоотношения с белыми колонистами также вплетены в структуру мифа. Все эти множественные мифы, которые, в свою очередь, породили не менее многочисленные образы, являются составляющими элементами единого мифа о фронтире.

Литература

Агеев, А. Д. 2005. *Сибирь и Американский Запад: движение фронтиров*. М.: Аспект Пресс.

Барретт, М. Т. 2000. Линии неопределенности: Северокавказский «фронтир» России. *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология* / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во Самарского ун-та.

Бобровников, Вл. 2008. Почему мы маргиналы? (Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида.) *Ab Imperio* 2: 325–344.

Бредникова, О. 2002. Последний рубеж? *Отечественные записки* 6(7). URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/posledniy-rubezh>.

Вашенко, А. В. 2008. *Суд Париса: Сравнительная мифология в культуре и цивилизации*. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова.

Горкин, А. П. (ред.) 2006. *Современная иллюстрированная энциклопедия. География*. М.: Россмэн.

Граница: понятия и термины. 2002. *Отечественные записки* 6(7). URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/granica-ponyatie-i-terminy>.

Даль, В. 1882. *Толковый словарь живаго великорускаго языка*. Т. 4. СПб., М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа.

Дюно, Ж.-Ф., Ариньон, Ж.-П. 1982. Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного. *Византийский временник*. Т. 43. URL: <http://www.hist.msu.ru/Byzantine/BV%2043%20%281982%29/BV%2043%20%281982%29%2064.pdf>.

Ислам. В: Пиотровский, М. Б., Прозоров, С. М. (ред.), *Словарь атеиста* (с. 68–69). М.: Политиздат, 1988.

Ключевский, В. О. 2004. *Русская история. Полный курс лекций*. М.: ОЛМА Медиа Групп.

2014. *Курс русской истории*. Т. 5. М.: Directmedia Publishing.

Королев, С. 2002. Края пространства. *Отечественные записки* 6(7). URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/kraya-prostranstva>.

Липатова, Н., Голотин, А. 2011. Типизация как инструмент социальной инженерии: власть и общество в 1917–1925 гг. *Власть* 5: 92–94.

Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. 1999. *Толковый словарь русского языка*. М.: Азбуковник.

Общее понятие мифа и мифологии. В: Мелетинский, Е. М. (ред.), *Мифологический словарь*. М.: БРЭ, Лада-Маком, 1992. URL: <http://www.countries.ru/library/mif/mifgen.htm>.

Поимеж, Ж. де. 1999. *Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма*. М.: Языки русской культуры.

Рибер, А. 2004. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход. В: Герасимов, И. В., Глебов, С. В., Каплуновский А. П. и др. (ред.), *Новая имперская история постсоветского пространства*: сб. ст. Казань: Центр исследований национализма и империи.

Санд, Э. В. 2006. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский Мирь.

Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1984.

Сыма Цянь. 2002. *Исторические записки*. Т. VIII. М.: Вост. лит-ра.

Тепышева, Т. Н. 2005. Из России в Сибирь. *Сибирская православная газета* 1. URL: <http://www.ihtus.ru/012005/hi1.shtml>.

Тихонов, А. А. 2010. Фронтир Сибирский и Американский: точки зрения. *Журнал «Самиздат»*. URL: http://zhurnal.lib.ru/t/tihonov_za_graniy/frontirsibirskijamerikanskijtochkizrenija.shtml.

Barth, Fr. (ed.). 1969. *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Differences*. Boston: Little, Brown & Company.

Brunvand, J. N.d. Myth. Myths and Myth-making in the Contemporary World. URL: http://sites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic213433.files/21_Myth.pdf.

Burguiere A., Revel, J. (dir.). 1989. *L'espace francais*. Paris: Éditions du Seuil.

Chandler, A. 1988. Comparing Frontiers: A Scout Report. *Magazine*. URL: <http://www.arthurchandler.com/comparing-frontiers>.

Cockeram, H. 1623. *The English Dictionary: or, An Interpreter of Hard English Words*. London.

Doyle, B. 1997. Mythology. *Encyclopedia Mythica*. URL: <http://www.pantheon.org/articles/m/mythology.html>.

Etymology and Terminology. 2008. Central Asian Borders. URL: <http://border.sca.wordpress.com/2008/01/28/etymology-and-terminology>.

Febvre, L. 1973. Frontier: The Word and the Concept. In Burke, P. (ed.), *A New Kind of History from the Writings of Lucien Febvre* (p. 208–218). London: Routledge; Kegan Paul.

Frost, A. Y. 2011. Kennedy, and the Frontier Myth. *Capital Commentary. The Centre for Public Justice*. URL: <http://www.capitalcommentary.org/robert-frost/frost-kennedy-and-frontier-myth>.

Furniss, E. 2005. Imagining the Frontier: Comparative Perspectives from Canada and Australia. In Rose, D. B., Davis, R. (eds.), *Dislocating the Frontier: Essaying the mystique of the Outback*. Canberra: ANU E Press.

Hall, D. T. 2009. Puzzles in the Comparative Study of Frontiers: Problems, Some Solutions, and Methodological Implications. *American Sociological Association XV*(1).

Honko, L. 1984. The Problem of Defining Myth. In Dundes, A., *Sacred Narratives: Readings in the Theory of Myth*. London, Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

Kirk, G. S. 1984. On Defining Myths. In Dundes, A., *Sacred Narratives. Readings in the Theory of Myth*. London, Berkeley, Los Angeles: University of California Press.

Lien-Sheng Yang. 1968. Historical Notes on the Chinese World Order. In Fairbank, J. K. (ed.), *The Chinese World Order*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mood, F. 1948. Notes on the History of the Word Frontier. *Agricultural History* April.

Parker, B. J. 2006. Toward an Understanding of Boderland Process. *American Antiquity* 7(1).

Said, E. W. 1978. *Orientalism*. London, Henley: Routledge, Kegan Paul.

Slotkin, R. 1985. *The Fatal Environment: The Myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800–1890*. New York: Atheneum.

Tirman, J. 2009. The Future of the American Frontier. *The American Scholar. Essays*. Winter. URL: <http://theamericanscholar.org/the-future-of-the-american-frontier>.

Turner, F. J. 1921. *The Significance of Sections in American History*. New York: Holt. URL: <http://xroads.virginia.edu/~Hyper/TURNER>.

Whittaker, C. R. 1994. *Frontiers of the Roman Empire. A Social and Economic Study*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.